

—

XV.

— Лао Чэнь, прошло всего несколько дней, а ты так постарел...

В кабинете председателя Революционного комитета Ван, глядя на седую голову Чэнь Фэйпэна, долго молчал, прежде чем смог вымолвить хоть слово.

Чэнь Фэйпэн лишь криво усмехнулся, выдавив из себя жалкое подобие улыбки.

Председатель Ван, понимая его чувства, глубоко вздохнул:

— Цзэсинь, по крайней мере, сохранил жизнь. За эти годы ты накопил немало добра — десять лет пролетят в мгновение ока. Подождешь, когда сын вернется, а там и на ноги его поставишь.

Чэнь Фэйпэн пришел просить о помощи, поэтому на эти слова мог лишь согласно кивнуть:

— Председатель, я и сам так думаю. Но... я не могу смириться. Я не могу простить тех мелких гаденышей, которые погубили моего сына.

Председатель Ван нахмурился:

— Та девушка, Фан Даньдань, сейчас в центре внимания. Газеты, народ — все следят за ней. Не вздумай ничего против неё затевать, иначе это дело затянет и тебя, и меня.

— Я знаю, — Чэнь Фэйпэн стиснул зубы. — Но когда я был в полиции, мой шенок рассказал, что всё это раздулось не из-за девчонки, а из-за той проклятой парочки. Особенно из-за этого парня по фамилии Гу. Я хочу, чтобы он сдох.

Председатель Ван кивнул:

— Назови его имя. Кто он, чем занимается? Я разузнаю.

Лицо Чэнь Фэйпэна просветлело, и он тут же выпалил:

— Его зовут Гу Сыюань, работает на заводе сельхозтехники.

— Завод сельхозтехники? — председатель Ван засомневался.

Этим заводом по совместительству руководит секретарь уездного комитета Чжан. Если там снова что-то случится, это будет поиск лишних проблем на свою голову. Секретарь Чжан и так недолго любил Революционный комитет, а после инцидента с Чэнь Фэйпэном его отношение стало еще хуже.

Чэнь Фэйпэн поспешно подошел ближе и затараторил:

— Тот парень — всего лишь обычный рабочий. Председатель, вам нужно только лишить его работы, а с остальным я разберусь сам.

Председатель Ван посмотрел на перекошенное лицо старого коллеги со сложными чувствами. Спустя минуту он вздохнул:

— Ладно, я позвоню на завод и спрошу.

Чэнь Фэйпэн радостно закивал. Председатель Ван достал из ящика стола записную книжку, набрал номер, и трубку вскоре сняли.

— Да, позовите вашего заместителя директора Суня.

В трубке послышались гудки, а затем раздался бодрый мужской голос:

— Слушаю.

Ван улыбнулся:

— Директор Сунь, это Лао Ван из Революционного комитета. Хотел расспросить тебя об одном человеке...

Однако по мере разговора брови Вана хмурились всё сильнее.

— Хорошо, я понял. Спасибо за помощь.

Повесив трубку, председатель Ван посмотрел на ждущего Чэнь Фэйпэна и безнадежно произнес:

— Лао Чэнь, забудь. Этот парень Гу — не тот, кого я могу тронуть. Он никакой не рабочий, а ведущий исследователь. Говорят, он на хорошем счету у самого секретаря Чжана и у городского руководства. В Циншуге он долго не задержится — скоро переводится на городской машиностроительный завод.

Чэнь Фэйпэн замер на месте, будто пораженный громом.

В то же время во дворе дома семьи Се, что при заводе газировки.

Мать и отец Се стояли перед дверью комнаты и обеспокоенно стучали:

— Дорогой, сегодня праздник, мы купили твою любимую жареную утку. Выходи, поешь хоть немного...

В комнате Се Цзиньюй сидел на кровати. Его веки дрогнули, но он не ответил.

В тот день, прибежав домой от реки Циншуйхэ, он сразу всё рассказал родителям. Все они думали, что со связями Революционного комитета и Чэнь Фэйпэна эту проблему удастся быстро замять. Кто же знал, что на следующий день Чэнь Фэйпэн лишится должности? Семья была в шоке.

А когда спустя время Чэнь Цзэсиня приговорили к десяти годам каторги, Се Цзиньюй долго не мог прийти в себя. До него с трудом дошло: его брак, которым он так гордился, обратился в прах.

Родители Се, узнав об этом, почти каждый день дома проклинали Гу Сьюаня и Се Ияна. Но они могли только проклинать — они ни за что не осмелились бы сейчас высунуться и привлечь к себе огонь. Ведь, если разобраться, ту самую роковую фразу «Мой отец из Революционного комитета» выкрикнул именно Се Цзиньюй.

На самом деле, до вынесения приговора семья Се тайком пыталась пробраться к участку,

чтобы повидать Чэнь Цзэсиня. Всё-таки семья Чэнь была богатой — вдруг Цзэсинь выпутается, тогда он оценил бы их преданность. Но в тот день Чэнь Цзэсиня как раз переводили из полиции в суд. Они своими глазами видели, как его везли через толпу: люди выкрикивали лозунги, швыряли в него тухлые яйца и обувь. Ярость толпы была такой, что этот образ врезался им в память на всю жизнь.

После этого семья оставила всякие надежды и, не желая «светить лицами», поспешно спряталась дома. Се Цзиньюй был так напуган этим зрелищем, что уже несколько дней не выходил из своей комнаты.

Он никак не мог понять: почему его жизнь превратилась в это?

Он ненавидел себя за то, что попался на удочку Гу Сьюаня и наговорил лишнего.

Он ненавидел Чэнь Цзэсиня за то, что тот не мог вести себя тихо — зачем было лезть к девке? Погубил и себя, и его.

Он ненавидел Фан Даньдань за то, что она не замяла дело — подумаешь, потрогали немного, зачем было так упорствовать?

Но больше всего он ненавидел Гу Сьюаня и Се Ияна. Если бы не их вмешательство, ничего бы этого не случилось. Это они уничтожили его жизнь. Каждый раз при мысли об этом Се Цзиньюй чувствовал, как от ярости у него закипает кровь.

— Дорогой, открой дверь, ну съешь хоть кусочек... — снова раздался голос матери.

Се Цзиньюй резко поднял голову и мрачно крикнул:

— Хватит орать! Не буду!

Он в сердцах ударил кулаком по подушке. Он невольно злился и на родителей: зачем они тогда усыновили этого «вестника несчастий» Се Ияна? Не будь его тогда — не было бы и нынешних бед.

Родители вздрогнули от его крика. Мать занесла руку, чтобы снова постучать, но замерла. Они переглянулись и промолчали. В этот момент у входной двери послышался шум.

Мать Се вздохнула и пошла открывать. Увидев на пороге двух человек, она непроизвольно дернулась, желая закрыть дверь. Но гости уже вошли внутрь.

— Кто там?.. — услышав шаги, отец Се обернулся, но, увидев вошедших, мгновенно изменился в лице. Спустя мгновение он пробормотал: — Старший брат Чэнь, невестка... как вы здесь оказались?

Чэнь Фэйпэн смотрел на них молча.

— Хм, а как иначе? Неужели вы в своем сердце уже забыли про нашу семью? — госпожа Чэнь холодно усмехнулась и бесцеремонно уселась на диван.

Родители Се неловко заулыбались:

— В последнее время на улице такой беспорядок, мы давно не выходили. У Лао Се и работа на пару дней встала.

— Вот как? Значит, я ошиблась, думая, что вы из тех, кто подстраивается под ветер. Впрочем, наши семьи связывают особые узы, — госпожа Чэнь тонко улыбнулась.

— Да, верно... — закивала мать Се. За годы превосходства семьи Чэнь она привыкла заискивать перед госпожой Чэнь и сейчас сделала это по инерции.

Госпожа Чэнь вскинула подбородок:

— Где Цзиньюй? Что-то его не видно. Цзэсинь завтра отправляется на фермы Бэйдахуана. Цзиньюй уже собрал вещи?

Родители Се опешили:

— В... в каком смысле?

Хранивший молчание Чэнь Фэйпэн наконец заговорил:

— Молодым не стоит жить в разлуке, это плохо для чувств. Пусть Цзиньюй едет в Бэйдахуань вместе с ним — как раз присмотрит за Цзэсинем. Деньги и документы я постараюсь устроить.

— Что?! — вскрикнула мать Се. — Вы... вы хотите, чтобы мой Цзиньюй тоже поехал?

Отец Се тоже был в ужасе:

— Брат Чэнь, невестка, разве это... разве это правильно?

Госпожа Чэнь холодно рассмеялась:

— А что тут неправильного? Они были помолвлены. Если бы не этот случай, уже бы поженились.

Отец Се нахмурился:

— В том-то и дело, что не поженились.

Мать Се поспешно замотала головой:

— Нет, Бэйдахуань — это что за место такое? Цзиньюй никогда не знал лишения, он не может туда поехать!

При этих словах холодная усмешка на лице госпожи Чэнь превратилась в ледяную ярость. Она едва ли не прошипела сквозь зубы:

— Ваш Цзиньюй не знал лишения, а мой Синь-эр, по-вашему, знал?! Хм, моя семья оказалась в таком положении благодаря вашим двум «чудесным» сыновьям! Один — родной — туп до небес, другой — приемный — обожает совать нос в чужие дела!

— Мой сын едет страдать, а вы думаете, что когда всё утихнет, будете и дальше жить припеваючи? Мечтайте!

Чэнь Фэйпэн посмотрел на них, чеканя каждое слово:

— У вашего приемного сына нашелся сильный муж, до него я пока не могу дотянуться. Но неужели вы думали, что ваш родной сын останется в стороне? Я, Чэнь Фэйпэн, сейчас потерял

власть, но, как говорится, «тощий верблюд всё равно больше лошади». Расправиться с вами мне не составит труда.

Отец Се глубоко нахмурился:

— Брат Чэнь, неужели мы окончательно рвем отношения? Сердце любого родителя болит за свое дитя.

Чэнь Фэйпэн встал и холодно бросил:

— Бросьте эти пустые слова. Мой сын уже погублен, так что вам лучше вести себя смиренно. Иначе, если однажды по дороге случится какая-нибудь беда — не обессудьте!

Сказав это, он вместе с госпожой Чэнь вышел из дома семьи Се.

Мать Се, глядя им в спину, бессильно рухнула на диван и зашлась в плаче:

— Да за что же это нам! Где справедливость? Сын сам не смог удержать руки при себе, наделал дел, а отдуваться и ехать страдать должен наш Цзиньюй!

Поплакав немного, она вскочила и принялась ругать мужа:

— Это всё ты виноват! Зачем тебе сдалось сватать Цзиньюя в эту семью?!

Отец Се потер переносицу и тяжело вздохнул:

— Но ведь изначально этот брак предназначался для Се Ияна.

Мать Се тут же нашла объект для выплеска ярости и закричала еще громче:

— Вот именно! Всё из-за этого проклятого Се Ияна! Этот брак должен был быть его, это он должен был ехать в Бэйдахуань! Из-за него мой Цзиньюй так страдает...

Тем временем в соседнем дворе общежития завода сельхозтехники.

Осенний ветерок шевелил занавески, пробираясь в комнату. Белая и нежная голень, случайно высунувшаяся из-под одеяла, почувствовала прохладу и тут же испуганно нырнула обратно в тепло.

Гу Сьюань поднял взгляд от книги и, увидев, как маленький сорванец жмет к нему, усмехнулся. Прямо под одеялом он сжал своими сильными ногами его чуть подмерзшие лодыжки.

— М-м... — Се Иян, почувствовав тепло, потерся щекой о грудь Сьюаня и удовлетворенно выдохнул.

Сьюань легонько ущипнул его за покрасневшую со сна щеку.

Се Иян пробормотал сквозь сон:

— Муж...

— Угу, — отозвался тот, не отрывая взгляда от супруга.

Се Иян заспанно открыл глаза и, наткнувшись на красивое лицо мужа, на мгновение замер, чувствуя, как сердце забилося чаще. Сегодня Гу Сьюань выглядел необычно: из-за того, что он читал в постели, на его высокой переносице красовались очки в простой коричневой оправе.

Его обычно суровые и глубокие черты лица стали чуть мягче, приобретя ореол таинственной интеллигентности. Но в сочетании с крепким, мужественным торсом этот образ обладал какой-то противоречивой манящей силой — так и хотелось наброситься на него и раздеть до нитки.

— ... — Се Иян невольно смущенно поджал пальцы на ногах.

Гу Сьюань, заметив, что тот во все глаза пялится на него, а потом ни с того ни с сего краснеет до корней волос, не смог сдержать смешка. Он медленно провел большим пальцем по щеке Ияна, коснувшись его пухлых и мягких губ, и тихо спросил:

— Се-лаоши, расскажите мне, о каких таких «хороших вещах» вы сейчас думаете?

— ...

Услышав это вкрадчивое «Се-лаоши», Се Иян залился краской еще гуще.

Гу Сьюань приподнял бровь:

— У Се-лаоши есть секреты, которые нельзя раскрывать?

Се Иян поспешно замотал головой и нырнул под одеяло, свернувшись там комочком, точно котенок, и полностью скрывшись из виду.

— ... — Гу Сьюань.

Давно он не видел свою женушку таким застенчивым.

Он негромко рассмеялся, снял очки и положил их на тумбочку. Эту вещицу ему подарил начальник Лу в качестве прощального подарка. Позавчера был его последний рабочий день на заводе сельхозтехники, а сразу после праздника Середины осени им с Ияном предстоял переезд в город.

Ах да. Сегодня ведь и был праздник Середины осени.

Вспомнив об этом, Сьюань легонько похлопал по круглому холмику под одеялом:

— Уже одиннадцатый час. Не пора ли выйти за продуктами?

В следующую секунду одеяло взлетело вверх, как рыба, выпрыгивающая из воды.

Се Иян уставился на него округлившимися глазами:

— Уже одиннадцатый час?!

Гу Сьюань кивнул:

— Именно.

— Ты!.. — Иян в гневе сверкнул глазами, соскочил с кровати и принялся в спешке натягивать одежду и обувь. — Почему ты раньше не сказал! Сегодня же праздник, все наверняка вышли

ни свет ни заря. Сейчас пойдём — и хорошо если хоть капустный лист найдём, не то что лунные пряники...

— Не будет — и ладно, со вчерашнего дня же что-то осталось? — Гу Сьюань неспешно поднялся на ноги.

Се Иян, глядя на его невозмутимость, разозлился ещё больше и прыгнул ему на шею:

— Сегодня праздник! Разве мы не должны съесть что-нибудь свежее?

Гу Сьюань пару раз качнул его на руках и спокойно ответил:

— Тогда идем сейчас. Если повезет, может, что-нибудь и застанем.

— Хм!

В сердцах Се Иян больно прикусил его за губу. И тут же был успешно контратакован: муж прижал его к стене и долго, основательно целовал.

Когда они наконец вышли на улицу, губы Се Ияна уже заметно припухли.

Они обежали кооператив и универмаг — как и ожидалось, лунные пряники давно раскупили. В итоге им удалось раздобыть лишь килограмм муки да пучок стручковой фасоли.

Се Иян вцепился в палец мужа:

— Это всё ты виноват.

Тот взял его за подбородок:

— Где логика? Кто поздно встал?

Се Иян надулся:

— Это потому что ты вчера вечером был слишком... такой-сякой! Я поздно лег!

Гу Сьюань усмехнулся и тихо переспросил:

— Какой-какой?

Се Иян сразу раскусил его дурные намерения и, покраснев, не ответил, а просто ускорил шаг. Гу Сьюань с его длинными ногами догнал его в два счета. Глядя на разочарованное лицо супруга, он решил серьезно его утешить:

— Нет пряников — ну и пусть. Мы же купили муку. Вернемся домой, приготовим баоцзы или лепешки с начинкой. Они ведь тоже круглые.

— ... — Се Иян был в шоке.

«Тоже круглые»? Это он так считает?

Будь Се Иян человеком из XXI века, он бы наверняка подобрал для этого подходящее слово: «сухарь».

Препираясь, они вошли во двор общежития. Из кухонь других семей уже потянулся дымок. На

площадке играли дети, и почти у каждого в руках был зажат маленький кусочек лунного пряника — видимо, родители не выдержали капризов и отрезали им по ломтику.

Се Иян снова сердито посмотрел на Сьюаня. У детей вон есть...

Гу Сьюань и смеялся, и плакал одновременно: «Жена — сущий ребенок, так заикнулся на этих пряниках».

Подумав, он откашлялся, посмотрел на Ияна и с самым серьезным видом произнес:

— Жди. Сейчас я наколдую тебе лунный пряник.

— ... — Се Иян.

Что он еще задумал?

Гу Сьюань выудил что-то из кармана, подошел к стайке детей и громко объявил:

— Товарищи дети! Кто даст нашему брату Се разок укусить свой пряник, тому достанется эта игрушка!

— ... — Се Иян.

В этот момент Се Ияну больше всего на свете хотелось найти колодец и прыгнуть в него. Но, увы, колодца рядом не оказалось.

Потому что в ту же секунду к ним подбежали самые активные ребяташки, высоко задрав маленькие ручки:

— Се гэгэ, мой, возьми мой! Ешь...

Се Иян зажмурился и, с трудом выдавив улыбку, обратился к юным энтузиастам:

— Гэгэ не хочет пряник, правда-правда! А игрушку... игрушку забирайте и играйте все вместе...

После этого он схватил стоявшего в стороне и сохранявшего полное спокойствие «товарища» Гу Сьюаня за руку и в панике потащил его наверх. На бегу Се Иян клялся себе: он больше ни за что не заговорит с этим невыносимым типом. По крайней мере, до конца сегодняшнего дня.

Войдя в квартиру, Гу Сьюань сложил покупки. Се Иян с надутым видом плюхнулся на диван. Сьюань подошел и слегка ущипнул его за щеку:

— Что, обед готовить не будем?

Се Иян хмыкнул и отвернулся, игнорируя его. Гу Сьюань посмотрел на него мгновение, а затем молча ушел на кухню. Поскольку переезд в город был не за горами, запасов еды почти не осталось — всё, что можно было съесть, уже съели. Кроме висевшей вяленой грудинки в закромах нашлись только две картофелины.

Высунувшись из кухонной двери, он сухо произнес:

— Есть немного вяленой грудинки, добавлю только что купленную фасоль. Сегодня будут баоцзы с вяленым мясом и фасолью. И еще сделаю салат из шинкованного картофеля.

— Начинка из вяленой грудинки и фасоли? Разве бывают такие баоцзы? — машинально поднял голову Се Иян, распахнув свои большие глаза.

Но едва слова слетели с его губ, он вспомнил о своей клятве молчать до вечера. Было уже поздно.

— Бывают, — сдерживая смех, серьезно кивнул Гу Сьюань.

Сам он такого никогда не пробовал, но раз эти продукты можно жарить вместе как блюдо, почему их нельзя превратить в начинку?

— ... — Се Иян был совершенно сбит с толку этим непоколебимым выражением лица мужа. С другой стороны, ему стало ужасно любопытно, какими на вкус окажутся эти баоцзы...

В этот момент Гу Сьюань поманил его рукой:

— Иди сюда, будем готовить вместе.

Глаза Се Ияна забегали. Он встал и медленно, вразвалочку, побрел на кухню. Ну, он ведь не то чтобы специально нарушает обещание... Просто этот человек его заставил! А если он сейчас не послушается, вдруг муж не даст ему баоцзы? Или, того хуже, устроит «наказание» в постели вечером?

Прокрутив в голове эти ужасы, Се Иян мгновенно успокоился. Гордость — это важно, но разве она важнее вкусной еды и гармоничной личной жизни?

Гу Сьюань взял на себя начинку: он мелко-мелко нарубил вяленую грудинку и фасоль, а затем обжарил их, чтобы вытопить жир и выпустить аромат, добавив соевый соус, соль и немного острого перца. Се Иян тем временем замешивал тесто на теплой воде.

Они работали слаженно и закончили подготовку почти одновременно. Наступил этап лепки. И тут Се Иян почувствовал небывалый прилив гордости.

Ха-ха!

Его муж, который в его глазах умел абсолютно всё, умудрялся лепить такие уродливые баоцзы! Ха-ха!

Гу Сьюань ставил свои изделия в конец ряда гладких и аккуратных баоцзы Се Ияна, и они смотрелись там так же чужеродно, как внезапно выросшие на стройном теле бородавки. Всего из килограмма муки получилось 12 штук: 8 красавцев от Ияна и 4 «чудовища» от Сьюаня.

Эх... В своем изначальном мире Гу Сьюань рос не в самых лучших условиях, поэтому он умел делать почти любую крестьянскую или домашнюю работу. Но он был южанином. На его родине редко ели изделия из муки и почти никогда не готовили дома маньтоу или баоцзы. А так как он всегда был неприхотлив в еде и не любил лишних хлопот, то и не учился лепить их специально. И вот — редкий случай, когда он «потерял лицо».

Се Иян, глядя на эти кособокие творения, решил поддразнить его. Указав на самый уродливый баоцзы, он провозгласил:

— Вот оно, подтверждение теории о том, что внешность отражает душу! Внутри ты большой злодей, вот и баоцзы получился таким несерьезным. Сразу видно — подозрительная личность.

— ... — Гу Сьюань холодно посмотрел на него.

«Ты думаешь, я не понял, что ты меня сейчас обзываешь?»

Се Иян со смехом отвел взгляд и, подхватив пароварку, побежал к выходу. На плите в коридоре уже закипала вода; оставалось только поставить пароварку сверху. Гу Сьюань, прислонившись к стене, наблюдал за суетой своей половинки. Се Иян сидел на корточках у двери, не сводя глаз с пароварки.

Когда крышку наконец сняли, тот самый «подозрительный» уродец первым оказался у Се Ияна во рту.

Сьюань посмотрел на него:

— Ну и как, есть разница во вкусе?

Се Иян провернул в голове мысль и упрямо заявил:

— Точно не так вкусно, как мои.

Гу Сьюань одарил свою заносчивую жену коротким взглядом, а затем взял остальные три невзрачных баоцзы — плоды своих трудов. Увидев это, Се Иян забеспокоился:

— Ты только эти съешь? Ты же такой большой, разве ты наешься?

Сьюань кивнул:

— Вполне.

— ... — Се Иян возмущенно уставился на него.

Этот тип явно специально не ест его красивые баоцзы! Он надул губы, выудил из пароварки самый белый, пышный и ровный баоцзы и положил его в миску мужа, сдержанно произнеся:

— Мне кажется, ты в последнее время похудел. Наверное, работа слишком тяжелая? На, ешь. Я как раз съел один твой, так что это — взамен.

Гу Сьюань опустил глаза, не в силах сдержать улыбку. Он взял баоцзы и откусил большой кусок. Солёный, насыщенный вкус вяленого мяса в сочетании со сладостью фасоли мгновенно раскрылся во рту. Се Иян не отрывал от него горящего взгляда:

— Ну как? Вкусно?

Сьюань поднял голову и молча посмотрел на него.

— ... — Се Иян занервничал: — Не вкусно, что ли?

Гу Сьюань доел остаток, не торопясь прожевал, проглотил и только тогда спокойно ответил:

— Вкусно. Очень вкусно. Пожалуй, действительно вкуснее моих.

— Хе-хе... — Се Иян тут же расплылся в довольной улыбке.

Он немедленно наложил в миску Сьюаню еще несколько самых красивых на вид баоцзы:

— Ешь-ешь! Раз вкусно, ешь побольше, хе-хе...

Гу Сьюань кивнул.

М-да. Всё верно: искусному охотнику часто приходится представать в виде добычи.

И вот — жена больше не злится, а вкусная еда сама «прыгает» в тарелку.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281651>